

Г. М. ЗАПАЛЬСКИЙ

ДУХОВНЫЙ ПИСАТЕЛЬ АРСЕНИЙ (ТРОЕПОЛЬСКИЙ): ПОПЫТКА ВОССТАНОВЛЕНИЯ БИОГРАФИИ

Иеромонах Арсений (Троепольский), один из выдающихся духовных писателей XIX века, подарил будущим исследователям массу загадок. Он получил серьезное образование в Московском университете, но не придавал этому никакого значения, думая только о монашеском призвании. Он оставил свой след более чем в 10 монастырях, но нигде не стал «своим», нигде не вошел в коллективную память монахов. Его биографию приходится восстанавливать буквально по кусочкам. Наконец, он создал целый ряд интереснейших литературно-богословских трудов (прежде всего посвященных Иисусовой молитве), но редко упоминал в них свое имя, сильно осложнив проблему атрибуции. Его основные труды не были опубликованы, и вплоть до 1990-х годов фигура иеромонаха Арсения (Троепольского) оставалась в научной литературе практически не известной. В последние годы к его личности обратились два известных ученых: А. М. Пентковский¹ и В. А. Котельников.² Данная статья является попыткой продолжить исследования этих авторов, введя в научный оборот ряд новых источников, и подвести хотя бы промежуточную черту под изучением биографии и творческого наследия иеромонаха Арсения.

А. М. Пентковский приводит в своей статье обширный список найденных в различных архивах произведений и документов, которые он без колебаний связывает с именем иеромонаха Арсения. Однако

¹ Пентковский А. М. Кто же составил Оптинскую редакцию рассказов странника? // Символ. 1994. № 32. С. 259—278.

² См. его последнюю работу с материалами по данной теме: Котельников В. А. Православные подвижники и русская литература. На пути к Оптиной. М., 2002. С. 35—47.

только в одном тексте встречаются имя и фамилия Арсения (Троепольского). В остальных (в том числе во всех делопроизводственных документах) фигурирует только имя Арсений, в одном случае — имя Валентин, а значительная часть произведений вообще не подписана. Весь этот массив сближают некоторые совпадающие биографические упоминания в тексте, а также близость сюжетов и лексики произведений. В. А. Котельников приходит к более осторожным выводам. Он вообще предпочитает однозначно не говорить об авторстве Арсения (Троепольского), применяя выражение «связанные с его именем тип „умного делания” и стиль аскетического творчества».³

Сопоставлять тексты, приписываемые иеромонаху Арсению, можно двумя путями: сравнивать биографические сюжеты, встречающиеся в них, и проводить текстологический анализ. А. М. Пентковский и В. А. Котельников применяют оба метода. Но текстологический метод в данном случае несколько зыбок, так как монахи в XIX веке вполне могли без каких-либо комментариев переписывать отрывки чужих текстов, дополняя их своими мыслями. Недаром по поводу авторства известных «Откровенных рассказов странника духовному своему отцу» до сих пор ведутся научные споры. Мнение А. М. Пентковского о том, что Оптиную редакцию четырех рассказов странника составил Арсений (Троепольский), основано в первую очередь на текстологических изысканиях и остается спорным.⁴ Более надежным критерием являются упоминания автора текста о себе и событиях своей жизни, к тому же такие упоминания в произведениях иеромонаха Арсения нередки. Поэтому мы хотим сосредоточиться на биографическом анализе его произведений и делопроизводственных документов.

Для начала нужно вкратце повторить путь, пройденный А. М. Пентковским и В. А. Котельниковым. Отправная точка поисков — «Записки „опытов жизни”», точно принадлежащее иеромонаху Арсению (Троепольскому) сочинение из архива Оптиной пустыни (хранится в отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Далее — ОР РГБ).⁵ На первом же листе сделана пометка: «Письма Арсения Троепольского».⁶ Многие записи в тексте

³ Там же. С. 43.

⁴ См.: Басин И. В. Авторство «Откровенных рассказов странника духовному своему отцу» // Михаил (Козлов), архим. Записки и письма. М., 1996. С. 123—137.

⁵ ОР РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 411.

⁶ Там же. С. I.

сопровождаются указанием дат и мест. Приведенные в хронологический порядок, эти данные позволяют довольно точно (хотя и с небольшими пробелами) проследить перемещения монаха по монастырям вплоть до Боровского Пафнутьева. В фонде последней обители в Российском государственном архиве древних актов (далее — РГАДА) А. М. Пентковский обнаружил выписку из клировой ведомости о некоем иеромонахе Арсении 1801 года рождения, получившем образование в Московском университете.⁷ Его биографические данные совпадают со сведениями о переходах из одного монастыря в другой из первого источника. Еще один текст из архива Оптиной пустыни — «Откровенное послание пустынного отшельника к своему старцу и наставнику во внутренней молитве»⁸ — требует небольшой расшифровки. Автор здесь явно попытался скрыть реальные факты: сочинение не подписано и даже названо «переводом с иностранного», почти все даты отнесены к XVIII веку, а топонимы сокращены до двух букв (причем латинских). Однако, сопоставляя текст с первыми двумя источниками, легко прийти к выводу, что упоминается тот же самый ряд монастырей и те же годы (только переведенные на 100 лет назад). Например, «Записки „опытов жизни”» и клировая ведомость указывают на переход иеромонаха Арсения в Оптину пустынь в 1833 году. «Откровенное послание...» начинается с событий 1733 года, происходящих в «Пустыне W. O.», то есть в Введенской Оптиной пустыни.

Мы обобщили основные биографические данные трех источников и представляем их в виде синхронной таблицы.

«Записки „опытов жизни”»	«Откровенное послание...»	Выписка из клировой ведомости
1831—1832: Симонов монастырь 1833—1834: Оптина пустынь	1733: Пустыня W. O.	С 1826: Московский Симонов монастырь С 1833: Оптина пустынь 1835: Киево-Печерская лавра С 1835: Киевский Златоверхий Михайловский монастырь 1837: Троице-Сергиева пустынь

⁷ РГАДА. Ф. 1198. Оп. 2. Ед. хр. 5430. Л. 14—14 об.

⁸ ОР РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 715.

«Записки „опытов жизни”»	«Откровенное послание...»	Выписка из клировой ведомости
1839—1841: Заиконоспасский монастырь 1845: Симонов монастырь		С 1837: Заиконоспасский монастырь С 1842: Симонов монастырь
1849—1851: Пустынь св. Саввы 1849: Глинская пустынь	1747—1750: Пустыня S. U. (S. V.) ⁹ 1749: путешествие (Г. п.) ¹⁰	С 1847: Саввино-Вишерский монастырь
1851—1852: Одесса	1751—1752: путешествие (фл.) ¹¹	
1852: Балаклавский Георгиевский монастырь	1752: Монастырь С. В. ¹²	С 1852: Балаклавский Георгиевский монастырь
1853: Оптиная пустынь 1854—1855: Никольский монастырь	1753—1755: Общезжитие N. M. ¹³	С 1854: Малоярославецкий Николаевский монастырь
1855—1856: Новоиерусалимский монастырь 1856: Новгород	1755—1756: Монастырь I. W. ¹⁴	
1857: Лаврентьевский монастырь	Между 1756 и 1757: L. K. Скит ¹⁵	
1857—1859: Пафнутьев монастырь	1757—1870: ¹⁶ Обитель Р. В. ¹⁷	С 1857: Боровский Пафнутьев монастырь

Кроме указанных выше параллелей в «Записках „опытов жизни”» и «Откровенном послании...» совпадают некоторые более частные обстоятельства. В первом тексте под 1849 годом упоминается Глинская пустынь.¹⁸ В том же сочинении автор между прочим рас-

⁹ Надо читать: «Саввино-Вишерская».

¹⁰ Надо читать: «Глинская пустынь».

¹¹ Видимо, надо читать: «флот».

¹² Надо читать: «Георгиевский Балаклавский».

¹³ Надо читать: «Николаевское Малоярославецкое».

¹⁴ Видимо, надо читать: «Иерусалимский Воскресенский».

¹⁵ Видимо, надо читать: «Лаврентьевский Калужский».

¹⁶ Последние события датированы уже XIX веком, что подтверждает условность принадлежности предыдущих дат к XVIII в.

¹⁷ Надо читать: «Пафнутьева Боровская».

¹⁸ ОР РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 411. С. 207—209.

сказывает, что испытал восторг «при воззрении на растительную природу в пустынях Оп. и Гл.».¹⁹ Нетрудно догадаться, что речь идет об Оптиной и Глинской пустынях. Во втором же тексте автор упоминает о посещении в 1749 году обителей, в частности «Г. п.», и о том, «какой ощутил внезапный восторг и утешительные мысли при хождении по лесу и простом взгляде на растительную природу».²⁰ Вполне очевидно, что во всех трех текстах речь идет об одном человеке, а именно об иеромонахе Арсении (Троепольском).

Далее А. М. Пентковский привлекает к разбору еще несколько духовных произведений. Между некоторыми из них, хранящимися в ОР РГБ, явно существует тесная связь. Речь идет об «Излиянии сердца» и «Записках для моей грешной, окаянной и слабой памяти» (эти тексты составили «Сборник выписок и различных записей»²¹) и «Учении молитве».²² Автор первых двух сочинений называет себя Валентином, упоминает о своем рождении в 1804 году, обучении в университете с 1820 года, вступлении в 1825-м в Московский Симонов монастырь (включен в братство в 1826-м) и ряде других фактов. Также он сообщает, что собирал книгу об Иисусовой молитве в марте 1827 года, после «горения убогой моей келлии».²³ А в рукописи «Учения молитве» значится, что она была создана «недостойным Арсением 1827 года, в марте месяце, в бытность в Симонове (...) после горения убогой моей келлии». Совершенно очевидно, что автор всех трех текстов — один человек. Но А. М. Пентковский идет дальше, с уверенностью отождествляя этого человека с Арсением (Троепольским), биографические данные которого содержатся в «Записках „опытов жизни“», «Откровенном послании...» и клировой ведомости. Определенные основания для этого есть. Совпадает имя Арсений (Валентин, возможно, его мирское имя), факты обучения в университете (хотя в случае с Валентином не указано, в каком именно университете) и пребывания в Симоновом монастыре с 1826 года. Но для абсолютной уверенности этого все же не хватает, тем более что годы рождения (1801 и 1804) разнятся. Ни в одном из разобранных текстов имя Валентин и фамилия Троепольский не встречаются вместе. Что касается других произведений, припи-

---

¹⁹ Там же. С. 145.

²⁰ Там же. Ед. хр. 715. Л. 15 об.—16.

²¹ Там же. Ф. 214. Ед. хр. 449.

²² Там же. Ф. 214. Ед. хр. 655.

²³ Там же. Ф. 214. Ед. хр. 449. Л. 97 об.—98.

сываемых иеромонаху Арсению, то здесь догадки строятся в первую очередь на тематической и стилистической близости, что представляется еще более зыбким.

Очевидно, что для прояснения картины желательнее привлечь еще несколько источников. Мы выполнили эту задачу, используя дела Московского университета из Центрального исторического архива г. Москвы (далее — ЦИАМ),²⁴ ведомости о монашествующих Московского Симонова монастыря (ЦИАМ) и Оптиной пустыни (ОР РГБ), летопись Предтеченского скита при Оптиной пустыни (ОР РГБ), несколько писем Арсения (Троепольского) (ОР РГБ) и др. Уже изучение университетских дел дало любопытные результаты. Нам удалось найти дело об увольнении из Московского университета студента Валентина Троепольского 19 февраля 1825 года.²⁵ Год поступления в деле (1820) и отчество студента (Петрович) совпадают с данными Валентина из «Сборника выписок...». В том же архиве в фонде Симонова монастыря хранится «Ведомость о числе монашествующих и бельцов за 1825 г.».²⁶ Здесь говорится о прибытии в обитель в 1826 году послушника Валентина Троепольского, из студентов Московского университета.²⁷ Аналогичная «Ведомость...» за 1832 год содержит информацию уже о иеромонахе Арсении, обучавшемся в Московском университете и вступившем в братство Симонова монастыря 10 июля 1826 года.²⁸ Последняя дата в точности совпадает с датой из автобиографии Валентина в «Записках для моей грешной, окаянной и слабой памяти». Таким образом, промежуточное звено между Арсением (Троепольским) и Валентином найдено. Теперь, сопоставляя последние находки с изысканиями А. М. Пентковского и В. А. Котельникова, можно с полной уверенностью говорить об иеромонахе Арсении (в миру Валентине Троепольском), авторе «Записок „опытов жизни“», «Откровенного послания...», «Излияния сердца», «Записок для моей грешной, окаянной и слабой памяти» и «Учения молитве». Перейдем к изложению биографии этого человека, опираясь на данные всех известных нам источников.

---

²⁴ Существенную помощь в поиске дел Московского университета нам оказал А. М. Феофанов.

²⁵ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 122. Д. 88.

²⁶ ЦИАМ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 222.

²⁷ Там же. Л. 10 об.

²⁸ ЦИАМ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 270. Л. 4 об.—5.

Валентин Петрович Троепольский родился, скорее всего, 26 февраля 1804 года. Именно эту дату он приводит сам в «Сборнике выписок...».²⁹ В делах Московского университета, Симонова и Боровского монастырей, Оптиной пустыни указывается его возраст, который восходит еще к трем различным вариантам года рождения: 1797, 1801 и 1803. Понятно, что самая первая дата (1804) представляется более авторитетной. Ближайший к ней вариант (1803) встречается в деле о поступлении Валентина Троепольского в Московский университет.³⁰ Поступление состоялось в сентябре 1820 года, когда Валентину, судя по его собственным словам, было 16 лет, а в учебном деле указан возраст 17 лет. Самое интересное, что именно в 1820 году 29 января было подписано специальное распоряжение, ограничившее возраст поступления в университет 17 годами.³¹ Напрашивается мысль, что в деле могла быть сделана намеренная ошибка с целью избавить юношу от неприятностей при поступлении.

Родители Валентина, Петр Иванович и Мария Петровна Троепольские, жили в Москве. Мать умерла в 1816 году, отец в 1824-м, оба были похоронены на Ваганьковском кладбище.³² Отец служил губернским секретарем,³³ этот чин 8-го класса давал ему права на личное дворянство. В ведомостях разных монастырей Арсений (Троепольский) записан как выходец «из дворян».³⁴ Это, видимо, следует понимать как указание сословной принадлежности отца, но не его самого. Арсения (Валентина) до пострига более правомерно считать разночинцем.

Уже в юношеском возрасте Валентин проявил интерес к духовной жизни. В 1820 году он составил сборник молитв, готовил сборник духовных мыслей, расположенных по алфавиту.³⁵ Последнюю

²⁹ ОР РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 449. Л. 89 об.

³⁰ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 117. Д. 327. Л. 1.

³¹ Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России. М., 2002. Т. 1. С. 271—272.

³² ОР РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 449. Л. 89—90 об.

³³ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 117. Д. 327. Л. 1; Ф. 418. Оп. 122. Д. 88. Л. 5.

³⁴ ЦИАМ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 270. Л. 4 об.—5; ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 270 об.—271; РГАДА. Ф. 1198. Оп. 2. Ед. хр. 5430. Л. 14—14 об.

³⁵ ОР РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 449. Л. 60 об.—61.

работу прервало поступление в Московский университет. Вступительный экзамен был сдан 28 сентября 1820 года, зачисление состоялось 30 сентября.³⁶ До этого Валентин получил домашнее образование: воспитывался «в доме отца».³⁷ В университете он обучался на нравственно-политическом отделении. Прямо об этом нигде не говорится, а в ведомости из Боровского монастыря упоминается «филологический факультет»;³⁸ очевидно, имеется в виду словесное отделение. Но в списке прослушанных предметов из аттестата Валентина присутствуют курсы нравственно-политического отделения (российское практическое судопроизводство, политическая экономия, римское право, право политическое и народное).³⁹ Во время учебы Валентин «имел попечение более о том, дабы посредством мудрых примеров не отстать от спасительного пути...». В течение «рождественской и летней вакации» он переписывал молитвы, делал выписки из трудов святителя Димитрия Ростовского. Юноша постоянно думал о своем монашеском призвании: «Могу ли оставить звание к уединенной жизни, обратиться к общественной? Никак! Ибо, оставивши, буду несчастен как в сем веке, так и в будущем».⁴⁰ Под влиянием подобного настроения он, не окончив полный курс, вышел из университета в феврале 1825 года. Его прошение звучало довольно резко: «Не желая более находиться в сем университете, прошу дать мне о поведении и учении моем... свидетельство».⁴¹

Сразу же после этого Валентин решил реализовать свое призвание и 14 мая 1825 года вступил в Московский Симонов монастырь.⁴² В число братства его включили 10 июля 1826 года, 27 августа того же года он стал рясофорным монахом. 3 марта 1830 принял постриг с именем Арсений, 12 января 1831 рукоположен во диакона, 24 октября 1832 — во иерея.⁴³ Так всего за 7 лет жизни в монастыре послушник Валентин стал иеромонахом Арсением. Он проходил в обители чередное священнослужение, занимался также церковным чтением и пением. Все это время духовным руководителем инока был

³⁶ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 117. Д. 327. Л. 3.

³⁷ Там же. Л. 1.

³⁸ РГАДА. Ф. 1198. Оп. 2. Ед. хр. 5430. Л. 14—14 об.

³⁹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 122. Д. 88. Л. 5.

⁴⁰ ОР РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 449. Л. 61—69.

⁴¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 122. Д. 88. Л. 1.

⁴² ОР РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 449. Л. 91—91 об.

⁴³ ЦИАМ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 270. Л. 4 об.—5; ОР РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 449. Л. 94—97.

иеромонах Иларион (Ремезов). Арсений посвятил ему целый очерк, опубликованный в 1863 году в журнале «Странник».⁴⁴ Он рассказал, что с самого поступления в Симонов монастырь проникся уважением и душевной преданностью к братскому духовнику старцу Илариону, вверил себя его руководству. Арсений пользовался наставлениями старца, ежедневно открывал ему свою совесть. Иеромонах Иларион многому научил молодого монаха: «Сколько услышал я от него светлых и глубоких истин относительно монашества! Как много раскрыл он мне познаний о внутренней молитве и сердечном делании, — познаний для меня новых и изумительных!» Они нередко молились вместе, и «во время сей молитвы весьма ощутителен бывал перелив молитвенной его силы в леностную мою душу...».⁴⁵ Старец Иларион много писал, составлял жития святых, исторические описания монастырей, делал подборки текстов Священного Писания, мнений отцов Церкви по различным вопросам. Очевидно, не без его влияния и сам Арсений (Валентин) всерьез взялся за перо. По крайней мере именно под руководством духовника послушник в декабре 1825 года составил историю Симонова монастыря.⁴⁶ В марте 1827-го он собрал выписки из святых отцов, оформив их в виде сборника «Учение молитве». В том же году составлял историю монашества и его учение. В обители были созданы и «Записки для моей грешной, окаянной и слабой памяти».⁴⁷

В апреле 1833 года иеромонах Арсений подал прошение отпустить его на два месяца в богомолье в Воронеж (поклониться мощам святителя Митрофана).⁴⁸ Обрато он, по всей видимости, не вернулся. Поскольку летом 1833 года (не позднее июля) Арсений уже пребывал в Оптиной пустыни. Он писал: «Я вступил в сие общежитие <...> с намерением удобнейшего благоустройства внутренней моей жизни <...>. Хотя в начале грубость и своенравие мое и испытывали некоторое уныние; однако ж вскоре раскрылся вкус в безмолвии, и уединенное чтение отеческих книг, и в особенности Филокалии, начало питать сердце».⁴⁹ Новый этап духовного становления

---

⁴⁴ Арсений (Тропольский), иеромонах. Очерк жизни старца Илариона, иеромонаха и духовника Московского общежительного Симонова монастыря // Странник. 1863. № 4. Паг. 1. С. 5—16.

⁴⁵ Там же. С. 11—12.

⁴⁶ ОР РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 449. Л. 92—92 об.

⁴⁷ Там же. Ед. хр. 449; Ед. хр. 655.

⁴⁸ ЦИАМ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 277.

⁴⁹ ОР РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 715. Л. 2 об.

Арсения был связан с оптинским старчеством. Старцем в Оптиной пустыни был в тот момент иеромонах Леонид (Наголкин). Он укрепил заложенный старцем Иларионом интерес к внутренней молитве, к чтению святых отцов (книгу «Филокалия», или «Добротолюбие», особенно ценили в Оптиной пустыни). Здесь Арсений стал серьезно изучать и практиковать умное делание — внутреннюю молитву, а также делать записи о своем молитвенном опыте.⁵⁰ В конце 1834 года он уехал в Москву для лечения, остановился в Симоновом монастыре. Короткое пребывание в Оптиной пустыни оставило важный след в его жизни. В письме оптинскому настоятелю иеромонаху Моисею (Путилову) от 14 декабря 1834 года Арсений свидетельствовал: «При всех благотворных на меня действиях Москвы, с той самой минуты, которая разлучила меня со святою пустынею, я поражен глубоким унынием; и при умножающейся боли в руке одна только мысль меня поддерживает и питает: мысль скорого возвращения под покровительство Вашего высокопреподобия».⁵¹

Но возвращение не состоялось. Из Москвы Арсений отправился в Киев, где 12 октября 1835 года был включен в братство Киево-Печерской лавры.⁵² В еще одном письме в Оптину пустынь от 14 декабря 1835 года он признавался: «Я после общежительных монастырей туго привыкаю к лаврским обычаям». По собственному ходатайству иеромонах временно оставил священнослужение, но сохранил сан.⁵³ Вскоре Арсений был перемещен в Киевский Златоверхий Михайловский монастырь на должность кружечного, а с 6 февраля 1836 года стал членом Киевского духовного правления. 11 января 1837-го он перешел в Троице-Сергиеву пустынь (Санкт-Петербургской епархии).⁵⁴ Ее настоятелем был тогда архимандрит Игнатий (Брянчанинов), глубокий знаток монашества. Арсений успел заинтересовать настоятеля. Последний в письме бывшему обер-прокурору Святейшего Синода С. Д. Нечаеву от 11 апреля 1841 года писал: «Вы познакомились с о. Арсением Троепольским! Точно, он добрый человек: я находил понятие его о монашестве более ученым, чем опытным; более удовлетворительным для ума, чем для сердца...».⁵⁵

⁵⁰ Там же. Л. 2 об.—3.

⁵¹ ОР РГБ. Ф. 213. К. 91. Д. 1.

⁵² РГАДА. Ф. 1198. Оп. 2. Ед. хр. 5430. Л. 14—14 об.

⁵³ ОР РГБ. Ф. 213. К. 58. Д. 2.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 1198. Оп. 2. Ед. хр. 5430. Л. 14—14 об.

⁵⁵ Письма аскета. Из переписки архимандрита Игнатия Брянчанинова с С. Д. Нечаевым // Христианское чтение. 1895. № 3. С. 574.

Уже в декабре 1837 года Арсений вновь появился в Москве и вступил в Заиконоспасский монастырь. Отсюда он временно был направлен в Московский комитет для разбора просящих милостыню, служил в церкви при Комитете, «преподавал призвавшимся духовные поучения с отличною ревностию и благим успехом». Под влиянием его проповеди шесть человек из сектантов и старообрядцев перешли в Православие.⁵⁶ На 1840-е и начало 1850-х годов пришелся пик церковного служения Арсения (Троепольского). В 1842 году он по своему прошению вернулся в Симонов монастырь и занял там должность наместника.⁵⁷ Летом 1847 года также по своему прошению он переместился в Саввино-Вишерский монастырь (Новгородской епархии). Началась, по его словам, «беспокойная жизнь».⁵⁸ Весной 1849 года иеромонах отправился в «годовичное странствие» по обителям; в частности, в октябре мы обнаруживаем его в Глинской пустыни. А в 1850 году он уже вернулся в Саввино-Вишерскую обитель.⁵⁹ В июле 1851-го началось новое путешествие. На этот раз Арсений был командирован на Балтийский флот благочинным 1-й дивизии, то есть временно вошел в круг военного и морского духовенства. В конце года и начале следующего 1852 года он был уже в Одессе, очевидно продолжая флотское служение. Но оно оказалось недолгим. В марте 1852 года Арсения поразила «отчаянная болезнь», после чего его служение фактически закончилось, зато открылось больше возможностей заниматься главным — молитвенным и литературным трудом.⁶⁰

Он переехал в Крым, где 4 мая был определен в Балаклавский Георгиевский монастырь в запасные иеромонахи.⁶¹ Осенью 1853 года он отправился в Калужскую губернию, неделю гостил в Оптиной пустыни, о чем есть упоминание в летописи местного скита.⁶² Здесь, в частности, говорится, что Арсений (Троепольский) ранее опубликовал некое сочинение «О бессмертии души». Игумен Антоний (Путилов), очень почитаемый оптинский монах, также оставил запись о его визите в одном из своих писем. Он помнил Арсения еще по его

⁵⁶ РГАДА. Ф. 1198. Оп. 2. Ед. хр. 5430. Л. 14—14 об.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же; ОР РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 715. Л. 6 об.

⁵⁹ Там же. Ед. хр. 411. С. 207—209; Ед. хр. 715. Л. 15 об.—16.

⁶⁰ Там же. Ед. хр. 411; Ед. хр. 715. Л. 20 об.—21; РГАДА. Ф. 1198. Оп. 2. Ед. хр. 5430. Л. 14—14 об.

⁶¹ РГАДА. Ф. 1198. Оп. 2. Ед. хр. 5430. Л. 14—14 об.

⁶² ОР РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 361. Л. 161 об.

краткому пребыванию в Оптиной за 20 лет до этого и был рад новой встрече.⁶³ Однако игумен не одобрял «мудрование» иеромонаха «как не во всем согласное с учением святых отец». Еще в одном письме Антоний писал по этому поводу: «Молитвословие церковное толикую имеет силу и важность, что церковное едино *Господи помилуй* превосходит все келейные духовные упражнения».⁶⁴ Это важное замечание показывает, что молитвенная практика Арсения и его понятия о монашеской жизни не были общепризнанными и ставились под сомнение некоторыми монахами.

Арсений не остановился в Оптиной, а добрался в конце 1853 года до находящегося неподалеку Малоярославецкого Черноостровского Николаевского монастыря и был определен туда за штат 2 июля 1854 года.⁶⁵ В 1855 году началось очередное «странствие», которое привело иеромонаха в Воскресенскую Новоиерусалимскую обитель. После этого Арсений опять вернулся в Калужскую губернию. Конец 1856 и начало 1857 года он провел в Калужском Лаврентьевском монастыре, при котором располагался епархиальный архиерейский дом. А весной 1857 перешел в Боровский Пафнутьев монастырь, где 16 марта был определен на больничную вакансию.⁶⁶

Боровская обитель стала местом последнего и наиболее длительного пребывания иеромонаха Арсения. Здесь он мог спокойно осмыслить путь своей жизни, огромный опыт внутренней молитвы, накопленный десятилетиями в разных монастырях. Он работал над обобщающими сочинениями, посвященными молитве. В «Записках „опытов жизни“» представлены разрозненные воспоминания, духовные рассуждения, пересказы из Священного Писания и отцов Церкви.⁶⁷ «Откровенное послание пустынного отшельника к своему старцу и наставнику во внутренней молитве» стало своеобразным молитвенным дневником Арсения (Троепольского), содержащим подробнейшее хронологическое изложение повседневного опыта внутренней молитвы — ее теории, техники, духовных и физических плодов. Последние записи приходятся на май 1870 года, это год смерти

⁶³ ОР РГБ. Ф. 213. К. 57. Ед. хр. 9. Л. 25.

⁶⁴ Там же. Л. 30.

⁶⁵ ОР РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 715. Л. 25; РГАДА. Ф. 1198. Оп. 2. Ед. хр. 5430. Л. 14—14 об.

⁶⁶ ОР РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 411; Ед. хр. 715. Л. 38 об.—41; РГАДА. Ф. 1198. Оп. 2. Ед. хр. 5430. Л. 1—1 об.

⁶⁷ ОР РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 411.

Арсения.⁶⁸ За год до этого он составил небольшую публицистическую заметку о праздновании памяти равноапостольного князя Владимира в Боровском монастыре для «Калужских епархиальных ведомостей».⁶⁹

С 1852 года иеромонаха постоянно преследовали болезни. Из Боровского монастыря он неоднократно отлучался для лечения в Москву. В РГАДА сохранился указ о его увольнении в столицу в июле 1865 года на два месяца.⁷⁰ Перед самой кончиной Арсений тоже отправился на лечение, на этот раз в село Наро-Фоминское (Верейского уезда Московской губернии). В июле 1870 года в Боровскую обитель пришло письмо священника Иакова Соколова из села Наро-Фоминского: «Вашего монастыря иеромонах Арсений (...) сего 1870-го года июля 7-го дня умер и 9-го того же июля мною погребен по обряду Православной Церкви».⁷¹

Так закончился жизненный путь интересного духовного писателя иеромонаха Арсения (Троепольского). Нет сомнений в том, что на счету этого необычного автора еще немало духовных произведений, которые предстоит обнаружить и атрибутировать. Но благодаря комплексному изучению источников из нескольких архивов его личность, творческое наследие и судьба приобретают достаточно отчетливые очертания и уже не кажутся столь туманными и неопределенными.

---

⁶⁸ Там же. Ед. хр. 715. Л. 226.

⁶⁹ Арсений (Троепольский), иеромонах. Празднование дня св. равноапостольного князя Владимира в Боровском Пафнутиевом монастыре // Калужские епархиальные ведомости. Прибавления. 1869. № 14. С. 351—355.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 1198. Оп. 2. Ед. хр. 5682.

⁷¹ Там же. Ед. хр. 5788. Л. 1.